

Давид Макаревский: инженер и артист

Его знали многие, даже не знакомые с ним люди. По КВН (легендарное антре "Я ваша Мотя", например), по "Парнасу-2", по ТВ (цикл "Объективный объектив", сценки "На экзамене", "Братья Маакац"), по участию в "Комедиуме", в самодеятельных театрах города... Он был настоящим одесситом — равнодушным, влюбленным в искусство, человеком с редким чувством самоиронии. У него было тонкое чувство юмора, которое, думается, никогда не позволило бы ему говорить "за Одессу", Давид чтит настоящую, а не "анекдотическую" Одессу.

Он ушел из жизни полтора года тому в Германии, где жил в последние годы (его пенсии вместе с зарплатой жены Люси в Одессе не хватало на еду и лекарства). Вскоре в Вюрцбурге собрались друзья Давида из разных стран, чтобы почтить его память. В сентябре минувшего года эта акция была продолжена в нашем городе Союзом театральных деятелей, а в октябре — на собрании Театрального общества, которым я руковожу уже треть века.

Он оставил нам три книги — "Про нас" (его уговорил написать о "Парнасе-2" М.М. Жванецкий), "Про мое", "Про этот нелегкий легкий жанр" (на написание последней книги Давида вдохновил В.И. Хаит). Выступая на одесском вечере памяти Макаревского, я предложил его друзьям написать коллективную книгу воспоминаний о нем. Надеюсь, что она состоится. Пользуюсь случаем обратиться за помощью в этом деле к потенциальным авторам — читателям.

Я не был особо близким с ним. После выхода первой книги, которая мне очень понравилась, откликнулся на нее теплой рецензией. Она тронула Давида (наверное, ее переслали ему друзья). Приехав в Одессу, он и Люся разыскали меня, подарили книгу с очень лестным автографом, который неловко воспроизвести: скорее всего, он в большей степени продиктован благодарным характером автора книги, чем особыми достоинствами рецензии. Давид сказал, что с выходом моего отклика его "поздравил сам Жванецкий", заметивший, что у него "нет недостатка в рецензиях, но такой не было".

На участие в вечере, состоявшемся в Одессе, на Нежинской, 77, меня пригласили... его друзья из Америки. Программа называлась: "Встреча друзей Давида Макаревского". Я благодарен им за такую честь.

Хочу рассказать о жизни и увлечениях Давида, пользуясь помощью его самого и тех, кто хорошо знал его.

"Я родился в еврейской семье (теперь об этом принято говорить с гордостью...) самых обыкновенных советских служащих. Родные мои любили театр, часто его посещали... Я полюбил театр с детства и играл в него с трех лет... Перед самой войной меня впервые повели в театр, на "Кремлевские куранты". Я себя хорошо вел. А в цирке я плакал из-за клоунов, у которых дыбом вставали волосы, из глаз и ушей текла вода. Папа обычно на это время выводил меня в фойе, чтобы я успокоился".

Музыку полюбил, слушая пластинки. Она осталась с ним на всю жизнь, как и... любовь к езде в городском транспорте. "Не было в Одессе такого маршрута, который бы я не освоил". Благодаря этому и отличной памяти Давид Макаревский описал исчезнувшие маршруты, остановки, даже некоторых кондукторов... Материал этот, мне думается, небезынтересен для истории города.

В годы войны в Горьком Додика, по его признанию, "сразу ошеломила оперетта". Вернувшись в Одессу, он становится заядлым театралом. В памяти Давида сохранились и оживают перед нами в его книгах героини той, старой оперетты, которая была в Одессе до приезда львовской, ставшей одесской, — Быховская, Высоцкий, Теплицкая, Соколинский, почти забытые деятели музыкальной комедии.

Драматические театры, оперный театр, эстрадные концерты входят в его жизнь навсегда. Он рассказывает о печальной судьбе отличного одесского театра Советской Армии. О Я. Заславском, с таким блеском игравшем Фильку-анархиста, что "бдящие идеологи" закрыли замечательный спектакль этого театра "Интервенция". Замечу, что через десятилетия подобная история случится в Москве: грандиозный успех Фаины Раневской в роли Маньки-спекулянтки (к счастью, сцена с Манькой снята на пленку!) приведет к изъятию этого персонажа из "Шорма", что станет роковым для постановки: зритель отвернется от нее, ведь на Раневскую специально приезжали, игнорируя "правильных" героев... Раневская страдала от потери любимой роли и писала мне об этом в одном из писем (наша переписка длилась около полутора десятилетий; приезжавшая в Одессу из Москвы аспирантка сказала мне, что по объему переданной Актрисой в ЦГАЛИ, ныне РГАЛИ, переписки моя с ней находится на втором месте, на первом — ее с Ахматовой, чем, не скрою, горжусь).

Давид вспоминает о молодом артисте театра Советской Армии Аркадии Каце, который вскоре станет замечательным режиссером, его талантливых постановках в Рижском русском (ныне загубленном) театре, в театре имени Вахтангова в Москве уже в наши дни.

Конечно, повзрослевший Дод, как называли его друзья, устремится в театр, захочет связать с ним свою профессиональную жизнь, но этому воспротивятся родные, которые потребуют, чтобы сын избрал "приличную" профессию. Он поступает в технический вуз, где основную часть времени проводит в... самодеятельности, а также в театре "Парнас-2", но все-таки завершит обучение "на инженера": "Думаю, в институте от меня просто хотели избавиться. Поэтому я получил квалификацию инженера-механика пищевых производств... И проработал тридцать лет на одном предприятии — на одесском заводе "Ветинструмент", который потом именовался по-разному... Начал я рядовым конструктором, потом был начальником отдела, был награжден почетным знаком "За заслуги в стандартизации СССР". Но рядом всегда шла театральная деятельность, и меня больше знали как Додика из "Парнаса", а позже — из КВН".

Давид вспоминает о первом послевоенном приезде в наш город Утесова и воспроизводит такую деталь: "Утесов не мог пройти в оперный — такое там творилось, публика подняла его на руки и внесла в здание театра... Почти все номера бисировались". Но более значима другая воистину поразительная деталь. Читатели, возможно, знают об этом: некоторые люди обвиняли Утесова, что в последние десятилетия жизни он много говорил о любви к нашему городу, но не приезжал сюда. Макаревский рассказывает об эпизоде, который известен сегодня немногим. "Последний приезд Леонида Осиповича в Одессу был вообще из ряда вон выходящим. Одесса праздновала 25-летие освобождения от фашистов. Был организован большой концерт в оперном театре. Но Утесова не пригласили. Тогда он вместе с Табачниковым, тоже одесситом, приехал в Одессу на собственный счет. И спел на концерте песню Модеста "У Черного моря" под аккомпанемент автора. Успех был ошеломляющий. После концерта городские власти устроили банкет (а это они умеют делать по сей день), но Утесова и Табачникова на него не позвали. Они тихо собрались и опять за свои деньги уехали в Москву. Больше Утесов в Одессу на гастроли не приезжал".

На страницах книг Макаревского возникают сотни интересных персонажей. Некоторые из них могли бы просто исчезнуть в Лете. Режиссер и супруг Лии Бутовой Лазарь Абелиов, артист эстрады Николай Креминский (с его знаменитым номером "А Вова все танцует...", оторвавшимся от автора), не ставшие формально профессионалами талантливые чтицы Маргарита Бутенко и Галина Ефимова, артисты оперетты Крыжановский и Либерро, Николай Удод (многие ли сегодня помнят, что он был в молодые годы "хорошим вокалистом, который дважды бисировал (то есть *три-*

сировал. — **В. М.**) арию Джима Кеннона "Цветок душистых прерий"?), Д. Шевцов, Н. Кочкин, актриса Русского театра Н. Динтан (может быть, театралы старшего поколения помнят ее Бабушку в "Обрыве", а многие наверняка знают ее княгиню Воляпок в экранизации "Сильвы", осуществленной в 1944 году, хотя и не могут назвать имя исполнительницы), коверный Ж. Энгель, позднее перешедший в оперетту (к слову, он отец актрисы Розы Энгель-Балашовой, которая успешно работала в одесском Русском театре, а завершила карьеру в Ленинграде)...

На страницах книг Макаревского появляются имена шпрыхштгалмейстеров, администраторов, билетеров (например, "дядя Йося", отец Ефима Березина — "Штепселя"), контролеров... Вспоминаю двух героинь книг Макаревского — контролеров филармонии. "Мы ходили в Горсад (там был почему-то ныне не функционирующий Летний театр, где мне, например, довелось слушать Вергинского, Кондрашина, Мирошниченко и многих других музыкантов. — **В. М.**) каждый день. У нас был налажен проход: мы на контроле давали по 30 копеек, входили и стояли внутри, у забора весь вечер. Обычно с 9 до 12. На контроле в Горсаду, а зимой в концертном зале Филармонии работали две очень колоритные личности — Крылова и Грызоцкая. У Грызоцкой в то время уже руки тряслись. Она всегда просила: "Мальчики! Не давайте мне мелочь. Соберитесь и давайте мне бумажные деньги". И мы это делали. А Крылова, если мы попадали к ней, говорила: "Вы опять ходите через ту бандитку! Я больше не буду вас пускать". Однако пускала. Но мы всегда будем благодарны этим двум женщинам, которые давали нам возможность за небольшую мзду приобщиться к большому искусству".

Мне близко это чувство Давида. Работая над книгой о 200-летней истории Театра оперы и балета, я включил в число ее героев администраторов оперного М.С. Арановича, М.П. Линского, контролеров Нину и Веру, которым "фанаты" обязаны многими встречами с искусством певцов и танцовщиков Большого театра и, как теперь говорят, дальнего зарубежья. Нины и Веры уже нет на свете, а благодарное чувство живо...

Давид рассказывает о коллективах "Гамбринуса", "Балагана-78", "Ришелье" "Комедиума", становясь их летописцем. И если бы не он, многое в культурной жизни Одессы оказалось бы забытым.

Он рассказывает о знаменитом одесском конферансье Аркадии Астахове (кстати, в 2008-м году исполнилось сто лет со дня его рождения), о Елене Гловацкой, о Евгении Дембской ("Евгения Михайловна прекрасна танцует, поет, вообще блестящая женщина до сих пор"), о друге, режис-

сере, актере, завлите Зиновии Аврутине, ныне живущем в США, о пианисте-виртуозе Эрнесте Штейнберге, о драматурге Георгии Голубенко...

Очень интересен и информативен рассказ Макаревского о капустниках Дома актера (сам участник многих, он стал и здесь летописцем жанра), а также консерватории, в которых принимали участие даже ректоры и такая "гран-дама", как О.Н. Благовидова.

Книги Макаревского — это в значительной мере воспоминания. Он, как я уже заметил, человек благодарный, Еще несколько примеров.

"Лидия Всеволодовна Gladкая ведала в нашем городе культурой... Занималась этим делом вполне компетентно (это так редко бывает, ведь не случайно родилась фраза "посадили на культуру". — **В. М.**). Я часто сталкивался с нею и в мою бытность в КВН, и при подготовке капустников в Доме актера всегда она выказывала себя очень объективным зрителем и глубоко порядочным человеком. Ее суждения всегда были справедливы, а ее предложения и советы — полезны... Конечно, ее потом убрали из обкома и перевели преподавать в институт. Но она всегда оставалась желанной гостьей на наших выступлениях, капустниках. С нею было интересно беседовать, советоваться. Хороший человек!.." Согласен. Наверное, Л.В. Gladкая об этом не помнит, но однажды она помогла мне, не члену партии, восстановить справедливость. Здесь не место для рассказа об этом в деталях, но не могу не воспользоваться случаем поблагодарить ее за добро, сделанное 42 года назад. (А обком давил, успешно выдавливал из Одессы даже Жванецкого, Ильченко, Карцева... Хорошо это помню как член худсовета филармонии.)

Макаревский благодарно вспоминает не только партийных, но и советских деятелей, в частности, Т.А. Овчаренко, Т.А. Сазонову, комсомольских секретарей В. Бондарчука, Н. Бабина. "Именно этим людям мы обязаны нашей общей радостью, нашим братством".



Давид Макаревский с Михаилом Жванецким

С особой теплотой Макаревский вспоминает практически каждого, кто работал в театре "Парнас" (и не только актеров, авторов и режиссеров!).

...Он уехал в Германию, где продолжал работать над третьей книгой, уже будучи тяжело больным. Мужественно переносил мучительные боли. Спешил успеть. Ему не довелось вычитать набранную рукопись. Но он успел увидеть книгу. (Грустно, что Давид не успел прочесть рецензию на нее...) Макаревский так простился с нами: "Мне было интересно повспоминать многое увиденное в жизни, а кое в чем и иметь удовольствие участвовать. К сожалению, кончилась та Одесса, которая была легким жанром, — веселой, светлой, яркой... Но человек живет надеждой. И я надеюсь, что все еще может вернуться. Что Одесса станет первоклассным курортом, центром юмора и музыки, городом радостных людей, городом у Черного моря, "который я вижу во сне".

Спасибо Давиду за честно прожитую жизнь.

